

Аэша

Автор:

Генри Райдер Хаггард

Аэша

Генри Райдер Хаггард

Приключения Айеши #2

«Гораций Холли и его друг Лео Винцей, возлюбленный божественной Аэши, отправились в Центральную Азию, надеясь там снова увидеть ее. С тех пор о них не было никаких известий. Но вот почти двадцать лет спустя, как рассказывает Райдер Хаггард, среди присланных в редакцию рукописей ему попался невзрачный серый пакет, из которого выпала рукопись романа „Аэша“ и два письма на имя редактора. На одном из писем он тотчас же узнал характерный почерк м-ра Холли. Гораций Холли писал, что вернулся после двадцатилетнего отсутствия в цивилизованный мир...»

Генри Райдер Хаггард

Аэша

* * *

Предисловие

Гораций Холли и его друг Лео Винцей, возлюбленный божественной Аэши, отправились в Центральную Азию, надеясь там снова увидеть ее. С тех пор о них не было никаких известий. Но вот почти двадцать лет спустя, как рассказывает Райдер Хаггард, среди присланных в редакцию рукописей ему попался невзрачный серый пакет, из которого выпала рукопись романа «Аэша» и два письма на имя редактора. На одном из писем он тотчас же узнал характерный почерк м-ра Холли. Гораций Холли писал, что вернулся после двадцатилетнего отсутствия в цивилизованный мир.

«Вы первый узнали о Той, которой все повинуются, которая много тысячелетий ожидала в пещерах Кор возрождения своего друга, – писал он, – вы же первый должны узнать об Аэше. Вам надлежит узнать мистическую развязку трагедии, начавшейся в Кор, а может быть, еще раньше, в Египте... Я очень болен и вернулся в свой старый дом, чтобы умереть. Поручаю своему доктору переслать вам эту рукопись, если не раздумаю и не сожгу ее еще при жизни, а также шкатулку, в которой вы найдете систр – древний жезл жрецов культа Изиды, или Хатор. О нем часто упоминается в моей рукописи, и он должен служить вещественным доказательством того, что все написанное мною – истина. Этот жезл – дар Аэши».

Второе письмо было от доктора, которого умирающий Холли выбрал своим посредником. «Дней десять тому назад, – писал доктор, – меня позвали в старый дом на утесе (в Кумберленде), который много лет стоял пустым. Экономка сказала мне, что ее барин недавно вернулся из Азии с очень больным сердцем. Я застал его сидящим в постели: когда он лежал, ему становилось хуже. Это был странный старик с узкими темными глазами, полными жизни и огня. Длинная седая борода падала на его могучую грудь. Седые волосы скрывали брови. Странное дело, он был безобразен – и в то же время красив. В лице его я почувствовал что-то необыкновенное. Он был недоволен, что меня позвали без его ведома, но мы скоро разговорились. Спасти его оказалось невозможно, я попытался только облегчить его страдания. Он много рассказывал о странах, в которых бывал, иногда в бреду говорил по-гречески и по-арабски, обращаясь к какому-то существу, которому он поклонялся. Профессиональная тайна не позволяет мне рассказывать то, о чем он говорил. Однажды он дал мне ваш адрес и поручил переслать эту рукопись и ящичек, что я и делаю. Однажды вечером я пошел навестить его, но не застал дома; экономка сказала, что он вышел. Я поспешил в указанном направлении.

Луна освещала выпавший ночью снег, и я ясно различил на снегу следы босых ног; они вели к холму за домом. На вершине холма есть древний памятник из монолитов, который окрестные жители называют „Чертовым Кольцом“. Посредине колоннады, в высоком, грубо сложенном дольмене, находится изображение головы. Некоторые археологи считают его изображением египетской богини Изиды и думают, что памятник был некогда местом поклонения этой богине. Я вспомнил, что Холли спрашивал у меня недавно про памятник и говорил, что хотел бы умереть у его подножия. И вот теперь, приблизившись, я увидел его стоящим у кромлеха. Что-то странное было в этой сцене. Среди колоннады из грубых монолитов одиноко и величественно поднимался памятник из трех камней, а перед ним стоял Холли; он громко произносил какие-то арабские заклинания. В правой руке у него был жезл, на котором играли драгоценные камни и нежно звенели колокольчики.

Тут я заметил присутствие еще кого-то. В тени центрального дольмена что-то двигалось. Это нечто приняло образ женщины, на лбу которой сверкал огонек. Не знаю, может быть, мне все это показалось. Очевидно, Холли тоже увидел что-то. У него вырвался радостный крик, и он бросился вперед с распростертыми объятиями. Когда я подошел, свет погас, а м-р Холли лежал на земле, сжимая в руке жезл...»

Действительно, Р.Хаггард скоро получил ящичек. В нем оказался хрустальный сistrum в виде *Cruх ansata*, или египетской эмблемы жизни, этого сочетания жезла, креста и петли. От петли тянулись три золотые проволоки со вделанными в них рубинами, сапфирами и бриллиантами. На четвертой проволоке висели четыре колокольчика, издававшие приятный мягкий звук. Пусть читатель сам найдет в предлагаемом романе смысл и предназначение этого таинственного жезла.

Часть первая

I. Двойное знамение

Прошло около двадцати лет с той ночи, когда Лео было видение, двадцать ужасных лет томительных поисков и тяжелого труда, которые привели к потрясающему душу чудесному концу.

Смерть моя близка, и я радуюсь этому, потому что хочу продолжать свои поиски в других сферах, как это мне было обещано. Я стремлюсь познать начало и конец драмы души.

Я, Гораций Холли, был очень болен. Меня принесли полумертвого из тех гор, которые видны из моего окна. Я нахожусь на границе северной Индии. Другой на моем месте умер бы, но меня хранит Судьба, может быть, для того, чтобы после меня осталась эта книга. Я пробуду здесь месяца два и, когда ко мне вернуться силы, отправлюсь в путь, потому что мне хочется умереть там, где я родился. А пока я пишу эту повесть, по крайней мере, самые важные страницы ее. Начну с видения.

Когда мы с Лео Винцеем вернулись в 1885 году из Африки, желая отдохнуть после страшного потрясения и собраться с мыслями, то поселились в старом домике моих предков в Кумберленде. Дом этот, если кто-нибудь, считая меня умершим, не завладел им, принадлежит мне и поныне, и я поеду туда умирать.

– Какое потрясение? – спросит читатель.

Я – Гораций Холли, а друг мой, мой товарищ, мой духовный сын, о котором я с детства заботился – Лео Винцей.

Следуя указанию, найденному в одной древней рукописи, мы отправились с ним к пещерам Кор в Центральной Африке. Там мы встретили Ту, которой все повинуются. В Лео она узнала своего возлюбленного Калликрата, греческого жреца Изиды, которого в порыве ревности убила два тысячелетия тому назад. Я тоже нашел в ней божество, которому стал с тех пор поклоняться – не плотью, но, что ужаснее, душою и волей. Плоть умирает или, по крайней мере, изменяется, страсть телесная проходит; но страсть духа, стремление к слиянию – вечны.

Чем заслужил я такое наказание? Но наказание ли это? Может быть, то лишь мрачная, ужасная Дверь, которая ведет в светлый дворец Награды. Она клялась, что я навсегда останусь ее и его другом и мы будем жить вместе вечно. Я ей

верю.

О! Сколько мы странствовали по ледяным вершинам и пустыням! Наконец, явился Вестник и указал нам Гору. На той Горе мы нашли храм, в храме – Духа. Не поучительная ли это аллегория? Я думаю, да.

В Кор мы встретили бессмертную женщину. В огненных лучах Столпа Жизни она призналась в своей мистической любви, и на наших глазах была осуждена так ужасно, что я содрогаюсь при одном воспоминании об этом. Но каковы были последние слова Аэши?

– Не забывайте меня... Сжальтесь над моим стыдом... Я не умру. Я вернусь еще раз во всей своей красоте. Клянусь, что это правда!

Но не стану пересказывать повесть, уже изданную человеком, которому я ее доверил, и обошедшую весь свет: я читал ее даже в переводе на индийский язык.

Мы прожили год в старом доме на пустынном берегу моря в Кумберленде, оплакивая утраченное, стараясь снова обрести его. Силы вернулись к нам, и поседевшие от ужаса волосы Лео снова стали золотистыми. Лицо его по-прежнему прекрасно, только выражение его стало очень печальным.

Хорошо помню ту ночь и час видения. Сердце разрывалось на части от отчаяния. Мы искали знамения и не находили его. Мы кричали и не получали ответа.

Был пасмурный августовский вечер. Мы гуляли по берегу, слушая шум волн и любуясь игравшей в далеких облаках зарницей. Мы шли молча. Лео вздохнул – его вздох напоминал рыдание – и сжал мою руку.

– Не могу больше выносить этой муки, Гораций! – сказал он. – Желание увидеть еще раз Аэшу сушит мне мозг. Я сойду с ума. А между тем, я здоров и могу прожить еще лет пятьдесят.

– Что же ты намерен делать? – спросил я.

– Есть краткий путь к познанию и миру, – торжественно отвечал Лео. – Я хочу умереть и умру сегодня ночью.

– Лео, ты трус! – воскликнул я в ужасе и гневе. – Ты не хочешь нести свою долю страданий, как другие.

– Ты хочешь сказать, как ты? – жутко захохотал он. – На тебе тоже тяготеет проклятие, но ты сильнее и выносливее меня, может быть, потому, что ты старше. Я же не перенесу этого. Я умру.

– Но это преступление, – сказал я. – С презрением отказаться, как от ненужной вещи, от жизни, этого дара Всемогущего – это же оскорбление Его. Такое преступление может повлечь за собой ужасное наказание, например, вечную разлуку.

– Разве это преступление, если человек, которого пытаются в застенке, покончит жизнь самоубийством? Наконец, если это грех, он будет прощен. Растерзанная плоть, издерганные нервы просят пощады. Я – исстрадавшийся мученик. Она умерла, и смерть приблизит меня к ней.

– Может быть, Аэша жива, Лео.

– Если бы она была жива, то подала бы мне знак. Но я так решил. Не будем больше говорить об этом.

Я еще спорил с Лео, но безуспешно. Случилось то, чего я давно боялся: Лео сошел с ума от потрясения и горя. В противном случае такой глубоко верующий человек, каким был он, не думал бы о самоубийстве.

– Ты бессердечен, Лео, – продолжал я. – Ты хочешь покинуть меня. Так-то ты платишь за мою любовь, за мои заботы о тебе! Ты меня убьешь, и кровь моя будет на тебе.

– Почему твоя кровь, Гораций?

– Дорога широка. Мы пойдем рядом. Долго жили и страдали мы вместе, не расстанемся и теперь. Если ты умрешь, умру и я.

Лео испугался.

– Хорошо, – сказал он, – это произойдет не сегодня ночью, успокойся.

Тем не менее я не успокоился. Желание умереть, появившись однажды, будет все усиливаться, наконец, Лео не устоит, а тогда, – тогда незачем жить и мне, одинокому, покинутому...

– Аэша! – воззвал я в отчаянии. – Если можешь, докажи, что ты жива, спаси своего возлюбленного и меня! Сжался над ним, пробуди в нем надежду, без которой ни он, ни я не можем жить!

В эту ночь я заснул разбитый, измученный. Внезапно Лео разбудил меня.

– Гораций! – позвал он вполголоса. – О! Слушай, друг мой, мой отец!

– Сейчас зажгу свечу, – отвечал я, и все трепетало во мне от предчувствия.

– Не надо света, Гораций. В темноте лучше рассказывать. Мне снился яркий – будто реальность, – сон. Я стоял одиноко под темным, почти черным сводом неба, на котором не было ни звездочки. Вдруг далеко-далеко на горизонте замерцал свет. Он стал подниматься по своду все выше и выше и, наконец, очутился надо мной. Он имел форму огненного веера. Скоро он оказался рядом с моей головой. Тогда я увидел фигуру женщины.словно свет горел у нее на лбу. Гораций, то была Аэша. Я узнал ее глаза, ее милые черты, ее волосы. Она посмотрела на меня так печально, как будто хотела сказать: «Почему ты сомневаешься?»

Я пытался говорить, но уста мои онемели; обнять ее, но не мог поднять рук. Между нами словно стояла преграда. Она поманила меня за собой и полетела. Тогда душа моя, казалось, отделилась от тела и последовала за ней. Мы устремились на Восток через моря и сушу. Дорога была мне знакома. Я взглянул вниз и увидел развалины дворцов Кор и залив. Вот мы очутились над Эфиопской Головой, а внизу с серьезными лицами собрались наши спутники-арабы, которые утонули в море. Среди них был и Иов. Он печально улыбнулся и покачал головой, как бы сожалея, что не может следовать за нами.

Минуя моря, песчаные пустыни, опять моря, берег Индии, мы летели все на север, пока не очутились над увенчанными снегом горами. Мы остановились ненадолго над монастырем. Монахи шептали молитвы на террасе. Я узнал этот монастырь: здание построено в виде серпа луны, перед его фасадом стоит и смотрит вдаль исполинское божество. Мы достигли крайних пределов Тибета, а дальше простиралась девственная, никому неведомая пустыня.

На равнине близ монастыря одиноко высился холм. Мы остановились на его снеговой вершине. И вот над горами и пустыней, расстилавшейся у наших ног, загорелся огонек. Мы стали держать путь по направлению к этому маяку, пролетели над обширной равниной, деревнями, городами и очутились над остроконечной вершиной, имевшей форму египетского символа Жизни – Сгух ansata. Я увидел, что свет, к которому мы летели, исходит от кратера вулкана. Тень Аэши указала нам рукой вниз и исчезла. Тут я проснулся. Это было знамение, Горащий.

Голос Лео замер. Я думал об услышанном и молчал.

– Ты спишь? – сердито схватил он меня за руку. – Что же ты молчишь?

– О, нет, я не сплю! – Но дай мне собраться с мыслями.

Я подошел к открытому окну, поднял штору и стал смотреть на небо. Занималась заря. Лео тоже приблизился, и я чувствовал, как он весь дрожит от волнения.

– Знамение, говоришь ты? – сказал я. – По-моему, это просто сон.

– Не сон, – резко возразил он, – а видение.

– Если хочешь, видение. Но и видения бывают галлюцинациями. Слушай, Лео, твое расстроенное горем и тоской воображение доведет тебя до сумасшествия. Тебе снилось, что ты один в необъятной вселенной! Тебе чудилась тень Аэши. Но разве она когда-нибудь покидала тебя? Тебе грезилось, что ты летишь с нею над морем и сушей к таинственной неведомой горе. Так вела она тебя к жизни к вершине по ту сторону Врат Смерти. Снилось тебе...

– Довольно! – прервал меня Лео. – Я видел то, что видел. Думай и поступай, как тебе угодно, Гораций, а я завтра же отправлюсь в Индию, и если ты не хочешь ехать со мной, – отправлюсь один!

– Не горячись, Лео, – сказал я. – Ты забываешь, что я-то не видел знамения, а кошмара больного человека, который несколько часов назад собирался покончить с собой, право, недостаточно, чтобы убедить меня отправиться умирать среди снегов Средней Азии. Ты предполагаешь, что Аэша вновь возродилась на земле в Центральной Азии, как Великий Лама, не так ли?

– Я не думал этого, но отчего бы и нет? – спокойно возразил Лео. – Помнишь, как в пещере Кор живой взглянул на мертвого, и мертвец и живой стали похожи друг на друга? Вспомни, как Аэша клялась, что вернется в этот мир, и если это произойдет не через возрождение, тогда, что же, переселение души?

– Я не видел знамения! – настаивал я.

– Ты не видел. О! Как бы я хотел, чтобы ты увидел и убедился, Гораций!

Мы замолчали и посмотрели на небо. Долго длилось наше молчание.

Утро было свежее. Облака причудливо висели над морем, образуя гору, на вершине которой показался кратер. Из кратера поднялся столп... Мало-помалу верхняя часть столпа растаяла, и внизу осталось огромное черное облако.

– Смотри, – прошептал Лео, – это из моего видения. Теперь ты тоже видишь знамение, Гораций!

Я смотрел на облако, пока оно не рассеялось в лазури неба, и сказал:

– Хорошо, Лео, я последую за тобой в Среднюю Азию!

II. Буддистский монастырь

Прошло шестнадцать лет с той бессонной ночи в кумберлендском домике, а мы с Лео все странствовали, все искали гору с очертаниями египетского Символа жизни, искали и не находили.

Описания нашего путешествия хватило бы на целые тома, но к чему описывать его? Пять лет мы провели в Тибете, останавливаясь в разных буддистских монастырях, изучая законы и традиции лам. Раз нас даже приговорили к смерти за посещение одного священного города, но нас спас китайский чиновник. Мы были на севере, востоке и западе и изучили много наречий. Мысль о возвращении никогда не приходила нам в голову, потому что мы дали клятву найти то, что искали, или умереть.

Мы были в Туркестане, на берегах озера Балхаш, провели год в горах Аркарти-Тан и чуть не умерли от голода в горах Черга. Здесь нас застала зима. Мы слышали, что в этих горах есть монастырь, ламы которого отличаются своей святой жизнью. Мы шли ночью при свете луны. У нас остался только один як, другой пал. Поклажа была не тяжелая: винтовки, пятьдесят патронов, немного денег золотом и серебром, немного одежды; но животное умирало от голода, как и его хозяева. Выбившись из сил, як остановился. Мы завернулись в грубые шерстяные одеяла и сели на снег.

- Нам придется убить яка и съесть его, - сказал я.

- Может быть, завтра мы раздобудем какой-нибудь дичи, - отвечал Лео.

- Если же нет, мы должны будем умереть.

- Умрем - и хорошо сделаем.

- Конечно, Лео, это будет самым лучшим, что мы сможем сделать после тринадцатилетних бесплодных странствий.

Стало светать. Мы со страхом взглянули друг другу в лицо, испытывая силы товарища. Цивилизованному человеку мы показались бы дикарями. Лео было за сорок лет; жизнь в пустыне закалила его; это был высокий, красивый мужчина с железной мускулатурой, длинными золотистыми кудрями и широкой большой бородой, смуглым от ветра и непогоды одухотворенным лицом. На этом грустном лице светились, словно звезды, чистые, как хрусталь, серые глаза.

Я тоже оброс волосами, поседел, но, несмотря на шестидесятилетний возраст, был здоров и силен. Тяжелый трудный путь укрепил наши силы, закалил нас, словно мы вдохнули в себя эликсир жизни.

Перед нами расстилалась песчаная безводная и бесплодная степь, покрытая блестящими кристаллами соли и выпавшим за ночь первым снегом. За ней высилось множество гор, целое море гор со снеговыми вершинами. В глазах Лео сверкнули слезы от волнения.

– Смотри! – сказал он мне.

Лучи восходящего солнца, как волны прилива, заливали вершины холмов, у подножия которых мы сидели, свет скользил все ниже и ниже и осветил, наконец, плоскогорье в трехстах ярдах над нами. На этой горной площадке торжественно смотрела вдаль огромная статуя Будды. За ним полумесяцем высилось желтое здание монастыря.

– Наконец-то! – воскликнул Лео и пал ниц на землю, пряча лицо в снег.

Я понял, что происходило в его душе, и оставил одного, а когда вернулся, тронул его за плечо.

– Идем, – сказал я властно. – Опять начинается метель. Если в монастыре есть люди, мы найдем у них пристанище.

Он молча встал. Я заметил на лице его выражение счастья и мира.

Мы поднялись вверх на террасу. Она была пустынна. Что если это необитаемые развалины монастыря, какие часто встречаются в этой стране? Сердце у меня заныло при этой мысли. Но вот из одной трубы показался легкий дымок. В центре высилось здание храма; но ближе, там, где змеился дымок, была низкая дверь.

– Отворите! Отворите, святые ламы! – громко закричал я и постучал в дверь. – Помогите чужеземцам!

Послышалось шлепанье туфель, дверь заскрипела. На пороге показался древний старец в каком-то желтом рубище.

– Кто это? Кто? – спросил он, глядя на меня через роговые очки. – Кто нарушает тишину обители святых лам?

– Странники, святой отец, которые умирают от голода, и которым, по закону Будды, вы не можете отказать в приюте!

Он взглянул через свои роговые очки на нашу изношенную одежду, похожую на его платье. Отчасти, чтобы не привлекать к себе внимания, отчасти потому, что у нас не было другого, мы носили платье тибетских монахов.

– Вы тоже ламы? – спросил старец. – Из какого монастыря?

– Наш монастырь называется Светом, и в нем люди часто бывают голодны.

– У нас не принято принимать иноверцев, а вы, кажется, не нашей веры.

– Еще менее принято у вас, святой Хубильган (так называют в Тибете настоятелей монастырей) оставлять чужеземцев умирать от голода! – и я привел ему соответствующий текст из учения Будды.

– Я вижу, вы начитаны в Писании, – сказал монах. – Войдите же, братья обители, называемой Светом. Я позабочусь и о вашем яке.

Он ударил в гонг. Появился другой, еще более дряхлый монах. Старец поручил ему накормить нашего яка.

Ку-ен, так звали настоятеля, отвел нас в монастырскую кухню, служившую также жильем братии. Тут вокруг огня сидели и грелись двенадцать монахов. Один из них готовил утреннюю трапезу. Ку-ен представил нас как «иноков монастыря, называемого Светом». Четыре года никто не заходил в монастырь, и братья радостно приветствовали нас. Все они были стары, – младшему – лет шестьдесят пять.

Нам дали теплой воды, чтобы умыться, ветхое, но чистое платье, туфли вместо наших тяжелых сапог, и отвели нам комнату. Переодевшись, мы вернулись в кухню, где нас ожидали горячая похлебка, молоко, вяленая рыба и местный деликатес – чай с маслом. Никогда еще не ели мы с таким аппетитом. Наконец, я заметил, что Ку-ен смотрит на Лео с явным удивлением, а монах-эконом начинает опасаться, что с таким гостем запасы монастырской кладовой быстро истощатся. Я остановил Лео, и мы пропели буддистскую благодарственную молитву, что приятно поразило монахов.

– Ваши стопы на Пути! Ваши стопы на Пути! – сказали они.

– Да, мы вышли в путь тринадцать лет тому назад, – отвечал Лео, – но мы еще новички. Вы знаете, святые отцы, что путь далек, как звезды, широк, как океан, долог, как пустыня. Вещий сон указал нам вашу обитель. Вы самые святые и самые ученые ламы и можете научить нас, как идти этим путем.

– Конечно, мы самые ученые, – сказал Ку-ен, – далеко вокруг нет другого монастыря; но, увы! Число наше все убывает.

Мы попросили позволения уйти в отведенную нам комнату и проспали двадцать четыре часа. Сон освежил нас.

Мы прожили в монастыре полгода, и добродушные монахи с первых же дней посвятили нас в историю своей обители.

Монастырь был древний и большой. В старину тут жило несколько сот монахов. Лет двести или больше тому назад, дикое племя еретиков-огнепоклонников напало на обитель и перебило монахов. Уцелели немногие, и монастырь с тех пор опустел.

В молодости Ку-ену было откровение, что он – перевоплощение одного из прежних монахов монастыря и что он должен идти в обитель. Собрав вокруг себя несколько ревнителей, он, с благословения своего настоятеля, пошел в горы и поселился в монастыре. Вот уже столетия живут они здесь, почти не имея связей с внешним миром. Сначала сюда изредка приходили другие монахи, но теперь никто больше не приходит, и братия вымирает.

– А что же будет потом? – спросил я.

– Ничего, – отвечал Ку-ен. – Мы заслужили уважение. Мы имели много откровений, и, когда умрем, нас ожидает более легкая доля. Мы далеки от соблазнов мира, чего же нам желать еще?

Бесконечная молитва чередовалась с бесконечно долгими часами созерцания. Все остальное время монахи обрабатывали плодородную полосу земли у подножия холма и пасли свое стадо. Так жили они, умирая в преклонных летах, чтобы, как они думали, снова возродиться где-нибудь и продолжить вечный круг жизни.

Зима была суровая. Пустыня скрылась под глубоким снегом. Идти дальше – значило погибнуть в снегу. Мы поневоле должны были остаться здесь до весны и захотели перебраться в нежилую часть монастыря, обещая питаться рыбой, которую будем сами ловить в озере, и дичью, убитой нами в низкорослом сосновом лесу на его берегах. Но монах сказал, что братия хочет быть гостеприимной с иноками монастыря, называемого Светом, где так часто царит голод не только телесный, но и духовный. Доброму старцу хотелось направить наши стопы на путь Истины и сделать нас настоящими ламами.

И мы пошли по этому Пути, участвовали в молитвах и читали библию буддистов Кенджур. В свою очередь мы рассказывали им о своей вере, и они радовались, находя в ней сходство с учением Будды. Если бы мы прожили в монастыре лет семь, вероятно, многие из братьев примкнули бы к нашему учению. Мы рассказывали также о разных странах и людях, и это интересовало монахов, которые знали кое-что о России, Китае, и о некоторых полудиких племенах тоже.

– Может быть, в одно из последующих перевоплощений нам суждено жить в этих странах, – говорили они.

Время шло. Нам жилось не худо, но сердца наши горели неугасимым огнем поиска. Мы знали, что стоим на заветном пороге, но не могли перешагнуть его. Вокруг все занесло снегом.

Было у нас одно утешение. В одной из комнат монастыря мы нашли старинную библиотеку буддистских, сиваистских и шаманистских рукописей и житий многих бодисатв – святых, – на разных языках. Особенно интересным оказался дневник хубильганов, – настоятелей древнего буддистского монастыря. Вот что было, например, на страницах последнего тома этого дневника, написанного лет

двести тому назад, незадолго до нападения варваров на обитель.

«Летом этого года один из наших братьев нашел в пустыне человека из племени, которое живет за далекими горами. Рядом с ним лежали трупы двух товарищей, погибших от жажды и свирепствовавшего накануне тифа. Он не сказал, как он попал в пустыню, но мы догадались, что товарищи его совершили преступление, за которое были осуждены на смертную казнь, и бежали. Он рассказал, что его родина плодородна и прекрасна, но часто страдает от землетрясений и наводнений. Жители этой страны воинственны, но занимаются также земледелием. Народом этим управляют ханы, потомки греческого царя Александра. Это очень возможно, так как две тысячи лет тому назад царь этот послал свою армию в эти края.

Чужеземец рассказал нам также, что народ его поклоняется жрице Хес или Хесеа, которая царствует из поколения в поколение. Она живет одиноко в горах, не вмешивается в правление, но ее все боятся и чтут. Ей приносят жертвы. Тот, кого она возненавидит, умирает.

Мы сказали ему, что он лжет, утверждая, что женщина эта бессмертна, и смеялись над ее могуществом. Он рассердился, сказал, что наш Будда менее могуч, чем его жрица, и грозил отомстить нам.

Тогда мы дали ему в дорогу припасов и проводили его из монастыря. Он ушел, сказав, что вернется и докажет, что говорил правду. Мы думаем, что это был злой дух, который хотел испугать нас, но это не удалось ему».

Ничего больше не говорилось об этом пришельце, но через год дневник обрывался. Уж не исполнил ли чужеземец обещание и не навлек ли на монастырь мщение Хесеи?

Мы позвали в библиотеку Ку-ена и показали ему этот отрывок, спросив, не знает ли он что-либо об этом событии. Он покачал головой, как черепаха, и сказал, что знает только кое-что об армии греческого царя. Он видел, как проходило это войско, и только. Это было в его пятидесятое перевоплощение.[1 - Буддистские священники утверждают, что они помнят то, что было в их прежние воплощения.]

Лео засмеялся, но я толкнул его под столом, и он сделал вид, что чихнул. Нельзя же было обижать почтенного старца. Да и к чему смеяться над учением о перевоплощении, в которое верит четвертая часть населения земного шара?

– Как это может быть? – спросил я ученого мужа. – Ведь память угасает со смертью.

– Так только кажется, брат Холли, – отвечал он. – Память возвращается к тем, кто ушел далеко вперед на Пути. Вот я совсем забыл об этой армии, а когда ты мне прочитал данный отрывок, вспомнил. Вижу, как сейчас: стою я с другими монахами у статуи Будды, а мимо идет войско. Оно не велико. Много солдат умерло в пустыне или убито. Их преследуют дикие племена, и они бегут от них. Их смуглый полководец пришел и потребовал приюта для своей жены и детей. Тогдашний настоятель ответил, что по уставу мы не можем приютить под своей кровлей женщин. Тогда вождь пригрозил сжечь монастырь и убить всех монахов. Так как умершие насильственной смертью перевоплощаются в животных, мы предпочли нарушить устав и позже испросить у Великого Ламы отпущение греха. Я не видел царицу, но, увы! Я видел жрицу этого народа.

– Почему ты говоришь об этом с сожалением? – спросил я.

– Я забыл про войско, но про нее не забыл. Она долго была препятствием на моем пути к берегу спасения. Я был в то время смиренным монахом и убирал светлицу, когда она вошла и сбросила с себя покрывало. Она заговорила со мной и спросила, не рад ли я, что вижу женщину. Она была прекрасна, как заря, как вечерняя звезда, как первый весенний цветок. О! Я грешный, грешный человек! Вы считали меня святым, – я же только низкое существо. Эта женщина, если только она женщина, зажгла в моем сердце пламя, которое не хочет погаснуть. – Слезы потекли из-под очков Ку-ена. – Она заставила меня поклоняться ей. Расспросив меня подробно о моей вере, она сказала:

– Итак, твой путь – путь Отречения, и твоя Нирвана – Ничто. Разве эта цель стоит такого тяжелого труда? Я покажу тебе более отрадный путь и богиню, более достойную поклонения.

– Каков же этот путь и что это за богиня? – спросил я.

– Путь Любви и Жизни, который все создает, создал и тебя, искателя Нирваны.
Моя богиня – Природа.

Когда я спросил, где эта богиня, женщина приняла царственную позу и сказала:

– Это я... Поклонись мне!

И я пал перед нею ниц и целовал ее ноги, а потом бежал от нее с разбитым сердцем и краской стыда. А она со смехом закричала мне вслед: «Вспомни меня, когда перейдешь в другой мир, о служитель святого Будды! Я меняюсь, но не умираю. Я найду тебя даже в Давашане, потому что ты мне поклонился».

И это правда, братья мои. Мне отпустили мой грех, я искупил его страданиями, но я не могу избавиться от нее и не знаю мира.

С этими словами Ку-ен закрыл лицо руками и зарыдал. Странно было видеть восьмидесятилетнего старца плачущим как дитя из-за прекрасной женщины, которую, как ему казалось, он видел в своей прошлой жизни две тысячи лет тому назад. Но мы с Лео глубоко сочувствовали ему. Больше мы от него ничего не могли добиться. Он не знал, какую религию исповедывала жрица. На следующее утро она ушла вместе с войском на север. На наши расспросы Ку-ен отвечал, что на севере по ту сторону гор живет племя огнепоклонников. Лет тридцать тому назад один из братьев, желая уединиться, взобрался на высокую вершину, откуда он видел огненный столб. В то же время в монастыре ощущали землетрясение. Ку-ен ушел; он не показывался целую неделю и никогда не возвращался более к этому разговору. Мы же с Лео дивились всему, что узнали, и решили подняться на гору.

III. Светоч

Снежные метели стали реже. Снег обледенел от сильных морозов. Стада горных баранов спустились с высоких гор в долину, откапывая пищу под снегом. Мы сказали, что пойдем на охоту. Хозяева уговаривали нас остаться, но видя, что мы стоим на своем, указали нам в одном из склонов горы пещеру, где мы могли бы укрыться от непогоды. Навьючив своего яка, мы отправились в путь в одно

прекрасное утро. В полдень мы уже были в пещере и развели перед входом костер. В этот день мы увидели небольшое стадо баранов и подстрелили двух из них. Бедные животные никогда не видели людей и даже не бежали от нас. На ужин мы ели баранину. На следующий день мы поднялись на вершину утеса. Вид оттуда был великолепный: внизу расстилалась пустыня, за нею бесконечно тянулись горы.

- Я видел их точно такими во сне! - прошептал Лео.

- А где был огненный столп? - спросил я.

- Кажется, вон там! - указал он на северо-восток.

- Сейчас там ничего не видно!

Мы вернулись засветло в пещеру. Следующие четыре дня мы повторяли свое восхождение и к вечеру спускались вниз. Наконец, мне это надоело. На четвертую ночь Лео не лег спать, а сел перед входом в пещеру. Я спросил его, зачем он это делает.

- Оттого, что я так хочу! - ответил он с раздражением.

Ночью он разбудил меня.

- Пойдем, Гораций. Я покажу тебе что-то.

Нехотя вылез я из-под одеяла и вышел из пещеры. Лео указал на север. Ночь была темна, но вдали на темном небе, точно зарево, виднелась бледная полоска света.

- Что ты скажешь? - спросил он.

- Ничего. Это не луна и не заря; похоже на зарево пожара или погребального костра.

- Я думаю, что это только отражение. Если бы мы поднялись на скалу, мы наверняка увидели бы огонь.

- Но мы не можем идти туда ночью.

- Мы должны провести там следующую ночь, Гораций.

- Это будет последняя ночь в нашей жизни, - отвечал я.

- Ничего не поделаешь, надо рискнуть. Смотри, огонь погас.

Действительно, темнота снова стала непроницаемой. Мне хотелось спать, и я ушел обратно в пещеру. Лео остался. Когда я проснулся, завтрак был уже готов.

- Я тороплюсь выйти пораньше, - объяснил Лео.

- Ты с ума сошел! Как мы будем ночевать на вершине?

- Не знаю, но я должен идти, Гораций.

- То есть, мы должны идти оба. А как же быть с яком?

- Возьмем его с собой.

Достигнув вершины, мы вырыли в снегу углубление и поставили палатку, в которую забрались вместе с яком. Уже темнело. Ледяной ветер пронизывал нас до костей. Если бы нас не согревало теплое тело животного, мы замерзли бы в своем шатре. Мы бодрствовали, потому что заснуть - значило умереть. Наконец, среди немой тишины ночи я стал дремать.

- Посмотри на направлении этой красной звезды, - разбудил меня Лео.

Я взглянул и увидел на небе тот же свет, какой мы видели накануне. Несколько ниже, над хребтом противоположных гор, показался огонь. Он поднялся выше, стал ярче, сильнее. За ним чернел какой-то столп, на вершине которого ясно виднелся египетский Символ Жизни - *Crux ansata*.

Символ исчез. Пламя погасло. Потом снова огонь вспыхнул и взвился высоко. Черный символ мелькнул еще раз и опять исчез. В третий раз пламя загорелось,

как молния, и осветила все. Сквозь черное отверстие символа прорвался и достиг нашего утеса яркий, как свет маяка, луч. Он окрасил в красный цвет снег вокруг нас и наши лица. Передо мной лежал мой компас. Было так светло, что я разглядел его стрелку. Луч погас так же быстро, как и появился. Исчез и символ со своим огненным покрывалом.

Мы молчали. Наконец Лео нарушил молчание:

– Помнишь, Гораций, как ее плащ упал на меня и как она послала нам на прощанье луч, который указал нам дорогу, чтобы мы могли бежать из обители Смерти? Теперь этот луч указывает нам путь к обители Жизни, где живет Аэша.

– Может быть, – отвечал я.

Спорить с ним было трудно; но я чувствовал, что мы – действующие лица какой-то великой, предначертанной нам судьбой, драмы. Наши роли определены, и мы должны их исполнить; путь нам уготован, и мы должны пройти его до неведомого нам конца. Нет больше места страхам и сомнениям, есть только надежда. Видение стало действительностью, посев дал жатву.

Утром поднялась снежная метель. Мы спустились с вершины с опасностью для жизни. Снег слепил нам глаза. Но смертный час наш еще не настал, и мы вернулись целыми и невредимыми в монастырь. Ку-ен обнял нас, а остальные монахи вознесли молитву Будде, потому что считали нас погибшими и не надеялись более увидеть.

Бесконечно долго тянулась зима. У нас в руках имелся ключ от двери, которая находилась там, за горами, но мы не могли вложить его в скважину. Надо было ждать, пока растают снега.

Но весна заглядывает даже в ледяные пустыни Центральной Азии. Потеплело, пошел дождь. Монахи стали готовить плуги. Снег растаял, с гор потекли потоки. Равнина почернела, а через неделю покрылась ковром цветов. Мы начали собираться в дальний путь.

– Куда вы пойдете? – уговаривал нас огорченный Ку-ен. – Разве вам здесь плохо? Все, что здесь есть – ваше. И зачем вы нас покидаете?

– Мы странники, – отвечали мы, – и когда видим перед собой горы, непременно хотим перейти их.

– Чего ищите вы за горами? – спросил Ку-ен строго. – Зачем вы скрываете от меня правду? Скрытность и ложь очень похожи друг на друга.

– Святой отец, ты сделал нам признание там, в библиотеке...

– Зачем ты мучишь меня, напоминая это? – поднял он руки, словно защищаясь.

– Я далек от этой мысли, наш добрый и добродетельный друг, – отвечал я. – Но твоя история очень напоминает нашу. Мы видели ту же жрицу.

– Говори! – заинтересовался лама.

Я рассказал ему все. Я рассказывал долго, часа два, а Ку-ен сидел напротив меня, слушал и качал головой, как черепаха.

– Пусть светильник твоей мудрости осветит нашу тьму, – закончил я. – Не находишь ли ты, что все рассказанное чудесно, или ты, может быть, считаешь нас лжецами?

– Почему же мне не верить вам, о братья великой обители, называемой Светом? И что в вашем рассказе особенно чудесного? Вы только познали истину, которая открыта нам уже много, много лет. Вы думаете, что эта женщина возродилась снова там? Вероятно, так и есть, и женщина эта та же, из-за которой я согрешил в своей прошедшей жизни. Только она не бессмертна, как вы думаете. Бессмертия нет. Только гордыня и собственное величие удерживают ее от перехода в Нирвану. Но гордость ее будет унижена, прах и смерть коснутся ее чела. Грешная душа должна очиститься страданиями и разлукой. Если ты найдешь ее, брат Лео, то только для того, чтобы снова потерять, и тебе придется подниматься вторично по той же лестнице. Оставайтесь со мной, будем молиться вместе! Зачем вам биться о скалы? Зачем вливать воду в разбитый сосуд и вечно томиться жаждой, выливая воду на песок?

– Вода делает почву плодородной. Жизнь зарождается там, где пролита вода. Из семян печали взрастет радость, – ответил я Ку-ену.

– Любовь есть закон жизни, – горячо заговорил Лео. – Без любви нет жизни. Я ищу любви, чтобы жить. Я верю в силу рока и исполняю волю судьбы.

– Ты задерживаешь свое освобождение, брат. Что дала тебе эта жрица неправой веры в прошлом? Когда-то ты служил богине природы Изиде. Потом тебя соблазнила женщина, с которой ты бежал. Обманутая богиня, или ее служительница, убила тебя. Но служительница эта – женщина она или злой дух – не хотела умирать, потому что полюбила тебя. Она знала, что в следующей жизни увидит тебя снова, ждала тебя, встретила и умерла, или, по крайней мере, казалось, что умерла. Теперь она возродилась, и вы снова встретитесь для новых страданий. О! Друзья мои, не ходите за горы, останьтесь со мной!

– Нет, – отвечал Лео, – мы поклялись идти и пойдем.

– Идите же, братья, но вспомните мои слова, когда пожнете жатву. Вино, которое вы получите из собранного винограда ваших желаний, будет красное, как кровь, и вы не найдете в нем забвения и покоя. Слепленные страстью, напрасно ждете вы радости от прекрасного зла. Лучше было бы вам жить одиноко, чтобы слиться с несказанным добром и вечной Нирваной. Вы улыбаетесь и не верите мне, но настанет день, когда вы скажете: «Брат Ку-ен, мудры были слова твои и безумны наши поступки».

Старец ушел, не убедив нас.

Мы почти не спали в эту ночь. Ку-ен предсказал нам скорбь и пролитие крови, если мы пойдем по ту сторону гор; но никакие страдания не могли остановить нас. Итак, Ку-ен думал, что Аэша – богиня древнего Египта, жрецом которой был Калликрат. Он изменил богине и бежал с дочерью фараона Аменартой. Тогда богиня, воплотившись в женский образ Аэши, настигла вероломного жреца и его возлюбленную в Коре и отомстила им. Но пущенная ею стрела поразила ее саму в следующем тысячелетии.

Я много думал, но не мог согласиться с мыслью, что Аэша богиня, а не женщина. Она, может быть, жрица, да; но она все-таки женщина с живой надеждой и страстью. Правда, сама Аэша дала нам понять, что она когда-то была дочерью Неба. Старый шаман из Сибири тоже говорил о ее божественном происхождении... Но оставим это. Что-то ожидает нас за горами? Найдем ли мы там ее? С этими мыслями я заснул.

IV. Лавина

На следующий день рано утром мы покинули монастырь. Монахи плакали, провожая нас. Мы ушли далеко в степь, а Ку-ен все еще стоял, прислонившись к древней статуе Будды, и смотрел нам вслед. Только мысль о том, что мы встретимся в будущем, в одно из последующих воплощений, утешала доброго старца. «Если же суждено вам вернуться живыми, – сказал он на прощание, – вы всегда будете желанными гостями в нашем монастыре».

Мы пошли на северо-восток. День стоял чудный. Равнина была покрыта ковром цветов. За весь день нам попались навстречу только несколько стад овец да диких ослов, которые спустились с гор на зеленые пастбища. К вечеру мы подстрелили антилопу, расположились под тамарисками и развели огонь. На ужин мы ели жаркое из мяса антилопы и пили чай.

Мы шли по равнине три дня и на четвертый достигли подножия гор, которые тянулись на ее окраине. До сих пор все шло, по выражению Лео, «как по часам», без препятствий и приключений; но тут путь наш стал труднее. Горы были крутые, подтаявший на солнце снег проваливался под ногами и страшно слепил нас своей белизной.

На седьмой день мы пришли к ведущему в глубь гор ущелью. Скоро мы убедились, что идем по настоящей дороге; всюду, даже на краю пропастей, она была плоская, ровная, а скалы носили на себе явный отпечаток работы заступа или иного инструмента человека. Местами были выстроены галереи, они кое-где подгнили, обвалились, и нам приходилось возвращаться и идти в обход, минуя опасное место, но все же мы старались держаться этого проложенного руками человека пути и возвращались к нему.

Больше всего приходилось страдать нам по ночам от холода. Ледяной ветер завывал в ущелье. На десятый день мы вышли из ущелья и переночевали на страшном холоде. У нас не было топлива. Мы грелись, прижавшись к телу нашего яка, но все-таки наши зубы стучали, как кастаньеты. В довершение всех бед, у нас не было воды и, чтобы утолить жажду, приходилось глотать холодный снег. Когда рассвело, мы проползли ярдов сто вперед, чтобы согреть окоченевшие члены на солнце. Лео оказался за поворотом ущелья первым, я

услышал его голос и догнал его. И что же? Перед нами открылась земля обетованная.

Мы стояли высоко на горе, а много ниже расстилалась огромная плоская равнина. Должно быть, когда-то это было дно одного из больших озер, которых так много в Центральной Азии. Посреди этой обширной равнины высилась только одна увенчанная снегом гора, вершина которой дымилась. У края кратера этого вулкана виднелся огромный столпообразный утес, в верхней части которого было отверстие.

Итак, вот он, символ наших видений, который мы искали столько лет! При виде его сердца наши забились. Гора эта была гораздо выше окружающих, вот почему свет пламени вулкана, попадая в отверстие столба, достигал величайших вершин близ монастыря. В данный момент вулкан только дымился, но, просыпаясь по временам, он, очевидно, извергал и пламя – источник виденного нами таинственного света.

В долине же, на берегу широкой реки, виднелись белые кровли большого города. В подзорную трубу мы разглядели также хорошо обработанные, засеянные поля с прорытыми по краям рвами.

Мы радовались, видя перед собой землю обетованную и таинственную гору, и были далеки от предчувствия ужасов и страданий, которые мы должны были вынести раньше, чем достигнем Символа Жизни.

Наскоро закусив и проглотив немного снега, от чего у нас заболели зубы и пробрала дрожь, мы навьючили своего бедного измученного яка и тронулись в путь. Мы спускались с горы по удобной дороге, проложенной людьми. Но странное дело, кроме следов диких овец, медведей и горных лисиц, мы не видели ни одного следа человека. Мы утешили себя мыслью, что население равнины пользуется этой дорогой только летом, или, привыкнув к оседлой жизни, и вовсе не поднимается в горы.

Уже стемнело, а мы еще не достигли подошвы горы и разбили для ночлега палатку под защитой утеса. На этой высоте было несколько теплее; мороз не превышал восемнадцати-двадцати градусов. На этот раз мы добрались до воды, а наш як отыскал в проталинах, где солнце согнало снег, немного сухого горного мха.

Наутро мы пошли дальше, но горный кряж скрыл от нас и город и вулкан. В одном месте было ущелье, и дорога вела туда. На полдороге, однако, перед нами, зияя, открылась глубокая пропасть. Внизу слышалось журчание воды. Дорога обрывалась на краю бездны. Что бы это значило?

– Вероятно, эта пропасть появилась недавно, – во время одного из последних извержений вулкана, – сказал Лео.

– А может быть, прежде тут был деревянный мост, но обрушился, – отвечал я. – Но все равно, надо искать другую дорогу.

– И поскорее, если мы не хотим остаться здесь навсегда.

Мы взяли вправо и прошли с милю. Тут мы увидели глетчер, напоминавший обледенелый, застывший водопад. Нечего было и думать спускаться по его склону. Пропасть здесь казалась еще глубже и отвеснее. Тогда мы вернулись обратно и пошли влево. Но и тут внизу зияла все та же пропасть. Вечером мы взобрались на вершину высокой скалы, надеясь увидеть где-нибудь дорогу, но убедились, что бездна страшно глубокая, с полмили в ширину, а внизу журчит вода.

Солнце село. Восхождение на утес так утомило нас, что мы не захотели спускаться в темноте и переночевали на его вершине. Это спасло нас. Сняв груз с яка, мы разбили палатку, съели вяленую рыбу и хлеб, – последние запасы, взятые из монастыря, и, завернувшись в одеяла, заснули, забыв обо всех невзгодах.

Незадолго до рассвета нас разбудил страшный гул, за ним послышались словно ружейные залпы.

– Господи! Что это? – воскликнул я.

Мы выползли из палатки. Як испуганно замычал. Не было возможности что-либо разглядеть. Глухие удары и треск сменились скрежещущим шумом и шорохом. В то же время подул какой-то странный ветер, под напором которого трудно было устоять.

Забрезжила заря, и мы увидели, что на нас надвигается лавина.

О! Какой это был ужас! По склону горы сверху ползла, скользила, скатывалась снежная масса. Волны снега вздымались, образовывали впадины, наскокивали одна на другую, и над этим морем стояло облако распыленного снега.

Мы в испуге прижались друг к другу. Вот первая волна дошла до нашего утеса. Под ее напором он задрожал, как лодка в бурном океане. Волна разбилась о скалы и с грохотом скатилась в пропасть. За первой волной, медленно извиваясь, как змея, показалась вся снежная громада.

Волны снега вздымались с яростью почти до вершины нашего утеса, и мы боялись, что он вот-вот сорвется с основания и как камешек полетит в бездну. В воздухе стоял невообразимый шум от падения глыб в пропасть.

То, что последовало за снежным обвалом, было еще страшнее. Сорванные с места огромные камни полетели по склону. Некоторые из них с грохотом бились по пути о нашу скалу. Иные сбивали на своем пути каменные глыбы и уносили их с собой. Никакая бомбардировка не могла быть столь ужасна и разрушительна.

Это была грандиозная картина. Казалось, что скрытые силы природы вырвались на свободу, чтобы во всем своем величии разразиться над головой двух ничтожных человеческих существ.

При первом толчке мы отскочили к утесу и прижались к нему, легли на землю, цепляясь и стараясь удержаться, чтобы ветер не унес нас в пропасть, как унес нашу палатку.

Разбиваясь об утес, полетели камни, и осколки их падали в пропасть. Ни один из них, к счастью, не задел нас, но, когда мы оглянулись, то увидели, что наш бедный як лежит бездыханный с оторванной головой. Мы легли и покорно стали ждать смерти, думая, что нас занесет снегом или раздавит каменная глыба, или ветер унесет в бездну.

Не знаю, долго ли это продолжалось. Может быть, десять минут, может быть, два часа. Наконец ветер утих; смолк грохот каменного града. Мы встали и осмотрелись: отвесный склон горы, который был раньше покрыт снегом, стоял теперь обнаженный. Наш утес местами раскололся, и в изломе его блестели

слюда и другие минералы. Пропась была засыпана снегом и камнями. И над этим хаосом спокойно сияло солнце.

Мы остались живы и невредимы, но не решались тронуться с места: переправляясь через пропась, мы могли провалиться в рыхлом снегу; если же мы пошли бы по дороге, нас могло засыпать снежными лавинами.

Мы сидели и вспоминали Ку-ена, который предостерегал нас. Наконец, голод дал себя знать.

- Сдерем шкуру с яка, - предложил Лео.

Мы содрали с животного шкуру и, нарезав кусочками, морозили в снегу и ели его мясо. Делая это, мы невольно чувствовали себя каннибалами. О! Это был отвратительный обед! Но что оставалось нам делать?

V. Глетчер

Так как у нас не было палатки, то на ночь мы завернулись в одеяла и накрылись шкурой яка. Мороз был сильный.

Утром Лео сказал:

- Пойдем, Гораций. Если нам суждено умереть, все равно, где умирать - здесь или в пути. Но я думаю, что наш последний час еще не настал.

- Отлично, - согласился я. - Пойдем! Если снег не выдержит нас сегодня, не выдержит и потом.

Мы связали свои одеяла и шкуру яка в два тюка, взяли с собой несколько ломтиков мороженого мяса и начали спускаться. За ночь сильный мороз настолько укрепил снег, что он мог нас выдержать. Только, когда мы добрались до середины пропасты, снег оказался менее твердым, и мы вынуждены были двигаться вперед на четвереньках. Все шло прекрасно, пока мы не достигли самой середины. Лео и тут пробрался благополучно, но я взял ярда на два

правее и почувствовал вдруг, что ледяная кора подо мной поддается. Я начал биться и барахтаться. Это ухудшило дело: я успел только один раз закричать и тут же провалился. Провалиться в рыхлый снег гораздо приятнее, чем погрузиться в воду. Я погружался все ниже и ниже пока, наконец, не уперся в утес; не случись этого, я исчез бы навеки. Между тем меня сверху засыпало снегом, и я очутился в темноте.

Я приготовился к смерти. Говорят, что вся прошлая жизнь проносится перед глазами умирающего. Этого со мной не случилось; но я вспомнил Аэшу. Она, показалось мне, стоит в плаще на утесе надо мной. Рядом с ней стоял какой-то человек. Ее прекрасные глаза выражали испуг.

– Что за несчастье случилось? – спросила она. – Ты жив, но что случилось с моим другом Лео? Отвечай, где ты его оставил, или умри!

Видение было яркое, реальное, но быстро исчезло. Я лишился чувств. Очнувшись, увидел свет и услышал голос звавшего меня Лео.

– Держись за ствол ружья, Горацій! – кричал он.

Я почувствовал что-то твердое и уцепился за него руками. Лео потянул, но напрасно, я не шевельнулся. Тогда с отчаянным усилием я встал на ноги и уперся в утес, на котором лежал. Лео опять потянул; на этот раз снег над моей головой подался, и я выскочил на поверхность, как лисица из своей норы. Я увидел Лео. Мы вместе покатались по склону до противоположного края пропасти. Я вздохнул полной грудью. О! Как легко дышалось! Взглянув на свои руки, я убедился, что смерть моя была близка: синие жилы на них надулись, как веревки. Я был под снегом минут двадцать, но они показались мне двадцатью веками. Проваливаясь, я поднял руки вверх, и Лео увидел мои посиневшие пальцы. Тогда он растянул на снегу шкуру яка и подполз на ней ко мне настолько, что мог протянуть мне ружье. К счастью, руки мои еще не совсем окоченели, и я смог уцепиться за якорь спасения. Счастье также, что мы с Лео были сильны.

– Благодарю тебя, старый друг Лео, – сказал я.

– За что? – улыбнулся он. – Мне вовсе не хотелось продолжать путешествие без тебя. Ну, отдышался? Тогда пойдем дальше! После холодной ванны полезно

подвигаться. Мое ружье сломано, а твое провалилось в снег. Незачем нам в таком случае таскать с собой и патроны.

Мы пошли обратно к обрыву, от которого вернулись. Вот на снегу наши следы и следы яка, вот и зияющая внизу пропасть. Но спуститься по отвесной ледяной стене глетчера по-прежнему было невозможно.

– Что нам делать? – спросил я. – Впереди – смерть, позади – тоже смерть: не можем же мы возвращаться обратно через горы, не имея ни пищи, ни оружия. Здесь тоже нас ожидает голодная смерть. Настал наш конец, Лео! Спасти нас может только чудо!

– Разве это не чудо, что мы поднялись на вершину утеса, в то время, как вниз обрушилась лавина? – возразил Лео. – Разве не чудом спасся ты из снежной могилы? И сколько раз за эти семнадцать лет мы чудом избавлялись от опасности? Судьба хранит нас; какая-то неведомая сила направляет нас и поможет нам и теперь. Слушай, я ни за что не вернулся бы, даже будь у меня припасы и ружье. Не хочу быть трусом. Я пойду дальше.

– Куда?

– Вот этой дорогой! – указал он на глетчер.

– К смерти?

– Хотя бы и так. Гораций. Может быть, мы умрем, чтобы возродиться в новой жизни. Решайся!

– Я давно решил. Мы начали это путешествие вместе, вместе и закончим. Может быть, нам поможет Аэша! – засмеялся я с горечью.

Разрезав шкуру яка и свои одеяла, мы сделали из них веревки, которыми обмотали себя вокруг пояса, оставив один конец свободным, надели толстые кожаные рукавицы и обвязали колени кусками шкуры яка, чтобы не больно было ползти по ледяному откосу. Поклажу свою мы связали покрепче и, подвесив к ней для груза камни, бросили вниз, рассчитывая найти ее, когда спустимся с ледяной горы. После всех этих приготовлений мы молча обнялись. Признаюсь,

слезы навернулись у меня на глаза при мысли, что мой лучший друг, мой сын, полный сил и здоровья, через несколько минут превратится в кучу костей и мяса. Мне-то уже пора умирать, – я стар, но Лео мне было жаль. Я благословил его.

– Идем! – сказал он, и глаза его засверкали.

Мы начали спускаться, рискуя каждую минуту, сделав неосторожное движение, перейти в вечность. Добравшись до небольшого выступа, мы остановились и оглянулись. Но голова кружилась при виде страшной крутизны, разверзавшейся под нашими ногами. Мы поспешили повернуться лицом к ледяной стене и стали спускаться дальше. Спуск становился все труднее, так как вмерзших в ледяную массу камней попадалось мало. Мы перебирались от одного камня к другому при помощи веревки, привязанной к уступу утеса. Таким образом мы достигли середины глетчера и сели отдохнуть на небольшой площадке.

– Держи меня за ноги, я перегнусь через выступ и посмотрю, что там внизу, – сказал Лео.

Я исполнил его желание, но тут случилось нечто непредвиденное и ужасное. Я не удержал тяжелое тело перевесившегося через карниз товарища, и он полетел вниз.

– Лео! – закричал я в отчаянии. – Лео!

Мне послышалось, что в ответ он крикнул мне: «Иди сюда!», и я тотчас же начал стремительно спускаться по крутой стене глетчера. Наконец, я достиг узкого карниза, держась руками за шероховатости стены и представляя собой человека, распятого на ледяном кресте.

Кровь застыла в моих жилах от того, что я увидел. Немного ниже в воздухе качался на веревке Лео. Он не только висел, а вращался в воздухе. Внизу зияла черная пасть пропасти, и только далеко-далеко на дне ее белел снег.

Представьте себе эту картину: меня, распятого на ледяной стене, держащегося за чуть заметные выступы, а подо мной Лео, качающегося над бездной, как паук на паутине. Наверх подняться невозможно; внизу нас ожидает гибель. Я видел, как натянулась веревка Лео. Вот-вот она не выдержит тяжести и оборвется.

Холодный пот выступил у меня на лбу, волосы встали дыбом. А Лео все вертелся в воздухе. Он взглянул вверх, и глаза наши встретились. Он не кричал, не боролся, он молчал, и это молчание было ужаснее жалоб и воплей.

Руки мои ныли от боли и напряжения, но я боялся пошевелиться. Вспомнилось мне, как раз в детстве я взобрался на высокое дерево и не мог ни подняться выше, ни спуститься вниз, и как мне было тогда жутко. Потом у меня потемнело в глазах. Вокруг было темно и тихо. Я дрожал, как в лихорадке.

И вот среди мрака сверкнула молния, среди молчания возник звук. Это сверкнул нож, которым Лео, не будучи более в силах выносить это мучение, перерезал веревку, чтобы положить всему конец. Я услышал крик Лео: крик презрения к смерти и в то же время крик ужаса. Верхний конец веревки, отскочив, ударил меня по лицу. Через секунду я услышал какой-то стук внизу: это Лео ударился о дно пропасти. Итак, Лео разбился. Его тело представляет сейчас груды мяса и костей...

– Иду! – закричал я, перестав держаться, поднял руки над головой, как бросающийся в воду пловец, и полетел в черную бездну.

VI. У дверей

Говорят, что при падении с высоты люди теряют сознание. Со мной этого не случилось. Только полет показался мне странно долгим. Но вот передо мной мелькнул снег на дне пропасти, и все кончилось.

Послышался треск. Что это? Я еще жив? Я погружаюсь все глубже и глубже в холодную воду. Я задыхаюсь; но нет, вот я снова на поверхности. Падая, я проломил лед на реке, и теперь, вынырнув, снова ударился об лед, но так как он был очень тонок, то треснул, и я очутился на свободе. Недалеко от меня вынырнул и Лео. Вода струилась по его волосам и бороде. Лео жив и невредим! Вот он ломает ледяную пленку и направляется к берегу.

– Мы оба спаслись и перешли пропасть! – закричал он мне. – Разве я был не прав, говоря, что Судьба хранит и ведет нас?

– Куда только? – отвечал я, тоже направляясь к берегу.

Тут я заметил на берегу старика и женщину. У него было злобное лицо, желтое, как воск; одет он был в широкое, похожее на монашеское, одеяние. Женщина указала на нас своему спутнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Буддистские священники утверждают, что они помнят то, что было в их прежние воплощения.

Купить: https://tellnovel.com/haggard_genri-rayder/aesha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)